

— Безобразия! — тихо выругался Чэнь Пинпин.

Несколько начальников отделов Контрольной палаты за столом боязливо смотрели на то, как он гневается. Чэнь Пинпин поймал сползающий с колен плед и пару раз кашлянул. Его волосы с проседью были безыскусно собраны как попало. Он сказал:

— В уставе Контрольной палаты ясно сказано, что без приказа императора мы не можем вмешиваться в дворцовые дела.

Глава четвёртого отдела Янь Жохай горько улыбнулся и покачал головой:

— Действительно жаль, ведь мы и раньше расследовали злоупотребления на экзаменах кэцзюй, но всё это происходило в домах знатных семей, и у нас просто не хватало людей, чтобы внедрить везде, где необходимо, поэтому у всех нитей расследования обрывались концы. В этот раз у нас есть несколько имён, мы смогли, так сказать, двигаясь по плети, добраться до самой тыквы и без труда отыскали тех, кто за ними стоит. Но кто бы мог подумать, что следы приведут в Восточный дворец?

Внутри Контрольной палаты обсуждения всегда были дерзкими и острыми, служащие были обязаны хранить верность только императору лично и больше никому, главы отделов тайных расследований никогда не считались с остальной знатью.

Чэнь Пинпин подкатил своё инвалидное кресло к окну, седина в его волосах контрастировала с чёрными занавесями и бросалась в глаза. Он холодно произнёс:

— А этот господин кандидат на пост будущего главы родился везунчиком. Император вчера решил, что в этом году хочет расследовать злоупотребления во время экзаменов, и он просто преподнёс императору такой подарок.

Янь Жоханю было очень любопытно, что это за кандидат в главы Контрольной палаты такой и как ему удалось добыть список имён. Он негромко ответил:

— Давно пора было расследовать.

— Да, — махнул рукой Чэнь Пинпин, отпуская подчинённых по своим отделам отдавать распоряжения, чтобы подготовить будущую операцию. Но Янь Жоханя он попросил остаться, долго молчал, а потом ледяным тоном произнёс: — Слишком многие знают, кто такой кандидат на место главы, поэтому это дело невозможно сохранить в секрете. Император не хочет позорить наследного принца, поэтому против Восточного дворца ничего предпринимать не будем.

— А что насчёт премьер-министра? — внезапно Янь Жоханя посетило озарение, он догадался, кто такой кандидат на пост главы, и даже слегка потерял дар речи от потрясения.

Чэнь Пинпин глянул на него прищурившись:

— Раз ты знаешь, кто он, то, конечно, понимаешь, что его тестя тоже ни в коем случае нельзя трогать.

— На самом деле никого из этих людей нельзя трогать, — горько улыбнулся Янь Жохань. — Помимо наследного принца, один из них влиятельный человек при дворе, другой — премьер-министр, а ещё один старейшина в Тайном совете. У палаты отличные отношения с военными, никак нельзя портить их из-за подобной мелочи.

— Да, — глухо подтвердил Чэнь Пинпин и добавил: — Все три эти нити мы должны раскрутить, но нельзя доходить до настоящих инициаторов, иначе двор ждут большие потрясения, даже император не сможет пресечь их. Эти господа, возможно, догадались, что из-за нарушений на экзаменах император не станет кошмарить чиновников Поднебесной, поэтому за все эти годы настолько обнаглели.

Внезапно он улыбнулся, но улыбка его была жутковатой:

— Не думали они, что в этом мире найдётся кто-то ещё нахальнее их самих и внезапно запросто сдаст такое количество людей.

Янь Жохань нахмурился и ответил:

— Поступок начальника отдела Фаня очень неподобающ, в один миг он нанёс обиду стольким знатным людям, как теперь всё нужным образом завершить?

— Поступив так, он передал проблему в мои руки, — на лице Чэнь Пинпина отразился то ли гнев, то ли ярость, в любом случае настроение у него явно было не из лучших. — Он знает, что я не оставлю его одного среди бури, поэтому он отдал мне список имён, сказав, что не желает, чтобы его водили за нос, и попросил помочь ему разобраться с этим делом.

Янь Жохань не посмел ничего ответить, про себя лишь ещё сильнее поразился, подумав, что же за отношения такие между старшим сыном бо Сынаня и главой Контрольной палаты. Почему тот посмел так себя повести? И судя по тому, как ведёт себя глава, он действительно собирается сделать всё согласно пожеланиям молодого господина Фаня.

Чэнь Пинпин снова успокоился и внезапно громко рассмеялся, однако его смех звучал как-то резковато и неприятно:

— А это интересно, действительно, в этом что-то есть.

Янь Жохань с любопытством спросил:

— Какой прок в таком поступке для начальника отдела Фаня?

— В этом мире всегда есть такие странные люди, которые совершают поступки, не руководствуясь собственной выгодой, — неизвестно, о чём подумал Чэнь Пинпин, но на его лице отразилось редко появляющееся там выражение уважения. Такого выражения у главы на лице Янь Жохань не видел даже при упоминании императора.

— Прошу указаний, до какого уровня расследовать дело о нарушениях на экзамене?

Чэнь Пинпин немного приподнял голову и холодно ответил:

— Император считает, что семья Го уже достаточно долго распоряжалась в министерстве церемоний.

— Я понял.

— В первом отделе сейчас нет главы, Му Те недостаточно умён, поэтому поручаю это дело тебе.

— Слушаюсь.

Уже шёл третий этап экзаменов. Фань Сянь взял тёплое влажное полотенце, чтобы вытереть уголки глаз. В последние дни он действительно устал, от утомления даже начали гноиться глаза. С невольной горькой улыбкой он поднялся и потянулся, а потом пошёл внимательно наблюдать за спящими лёжа грудью на столах студентами, про себя думая, что даже ему — наблюдателю на экзамене — приходится нелегко, что уж говорить о бедных студентах.

Сегодня был последний день экзаменов, Фань Сянь уже провёл несколько дней в экзаменационном дворе второго яэна министерства церемоний. Хотя из дома часто присылали тонизирующие средства и еду, но и душой, и телом он уже до крайности устал. Он зевнул и подошёл к Ян Ваньли, внимательно пригляделся. В эти несколько дней он понял, что студент по имени Ян Ваньли очень честный, к спрятанным в подкладке шпаргалкам он и правда ни разу не притронулся, что невольно обрадовало Фань Сяня.

Ещё удивительнее было то, что этот Ян Ваньли оказался к тому же не только одарённым, но и весьма эрудированным. Изложенные им рассуждения хотя и нельзя было считать полностью безупречными, а взгляды не отличались торжественным размахом, но не сверкали пустым блеском и отвечали насущным проблемам, что как нельзя лучше соответствовало характеру самого Фань Сяня. В Контрольную палату также поступил отчёт от того не назвавшего Фань Сяню своего имени служащего: этот Ян Ваньли был из бедной семьи, с детства обучался в школе в Цзюаньчжоу, отлично сдал провинциальный экзамен, но Фань Сянь раскрыл его

хитрости, поэтому он невольно был осторожен сверх меры.

В это время Ян Ваньли, закончив с последними вопросами экзамена, устало проверял, не допустил ли где ошибку. Краем глаза он заметил, что молодой господин Фань снова стоит рядом, что невольно заставило его заволноваться.

Хотя в экзаменационном дворе Фань Сянь, естественно, не мог разговаривать со студентами, но после нескольких дней мучений мысли Ян Ваньли уже немного путались. Набравшись храбрости, он сжал подол одежды, потом жалобно посмотрел на Фань Сяня, словно пытаясь спросить этого молодого экзаменатора, как ему тогда на входе удалось узнать о его шпаргалках.

Фань Сянь не сдержал улыбки, про себя подумав, что с такими способностями и познаниями непонятно, зачем Ян Ваньли потребовалось прибегать к уловкам. Но разговаривать с ним сейчас было нельзя, поэтому он просто незаметно указал Ян Ваньли пальцем на постель.

С мутной головой Ян Ваньли склонил голову, посмотрев в указанном направлении, но увидел только свои потемневшие старые одеяло и тюфяк позади себя. Потом он посмотрел на свои шелковые одежды, хоть и не стиранные несколько дней, но всё же весьма дорогие, и тут его вдруг осенило, он понял, где дал маху: такой контраст был слишком очевиден. Где это видано, чтобы студент, одетый в одежды из такой дорогой ткани, нес на плечах насколько старую потемневшую постель?

Он невольно тихо рассмеялся от своей наивности.

Фань Сянь слегка улыбнулся и принял решение, потом заложил руки за спину и пошёл в обратном направлении.

Уже наступила ночь, студенты постепенно покидали экзаменационный двор. Перенеся несколько дней страданий, они были сильно измучены, постоянно зевали, пропахли потом и на лицах виднелось разочарование. Ещё остались медлительные студенты, которые, навалившись грудью на стол, кусали деревянный кончик кисти, а были и те, кто спал прямо в свете фонарей, не раздеваясь. Но время окончания экзамена ещё не настало, и проводивших экзамен служащих это не заботило.

В прилегающем к министерству церемоний переулке Тунтосян внезапно раздался гонг. Это звон в ночной тьме накрыл всю столицу, словно желая её пробудить.

— Время вышло. Студенты, отложите кисти.

Сразу после этих слов, произнесённых хриплым голосом, служащие министерства церемоний

начали освобождать территорию, выгоняя всё ещё судорожно сжимавших кисти в руке студентов прочь со двора. По крайней мере у более чем сорока студентов с сединой в волосах экзаменационная работа ещё была не закончена, они с плачем готовы были умереть, но не давали согнать себя с места за столом. В итоге их насильно увели несколько служащих Контрольной палаты.

Их хныкания, похожие на плач призраков, ещё долго не смолкали и эхом разносились за пределами экзаменационного двора.

Фань Сянь вздохнул, он не ощущал ни малейшего сочувствия. В этом мире, как и в прошлом, только от собственных усилий зависело, на что ты способен и для чегоходишь. Он вовсе не был равнодушным человеком, просто он знал, что для этих студентов экзамен завершился, а для него самого только начинается.

В ночь после окончания экзамена наступало время запечатывать экзаменационные листы, а это было обязанностью Фань Сяня. Ответственные чиновники и два контролёра сидели на возвышении в зале и не смели уходить. Все ждали, когда под руководством Фань Сяня завершится заклеивание имён и переписывание копий, и только после этого можно было запечатать листы и поставить подпись.

В свете ярких светильников весь второй ямэнь министерства церемоний был перегружен работой, в пристройке несколько десятков опытных чиновников распределили экзаменационные работы между собой, упорядочили их, а в другой небольшой комнатке сидел Фань Сянь. Он тёр виски и смотрел на то, как два служащих из министерства церемоний заклеивали имена.

Перед тем как имена заклеивали, все работы сначала отдавали Фань Сяню. Он не смел лениться, очень внимательно сравнивал имена на экзаменационных работах с теми, что были в четырёх переданных ему записках. Через какое-то время ему удалось отобрать более десяти работ, и не привлекая внимания сложить по правую руку от себя.

Два чиновника сбоку от него, опустив головы, переглянулись, понимая, что для отобранных работ поступили особые указания от влиятельных лиц из дворца.

Завершив возложенное на него дело, Фань Сянь подозвал рукой двух служащих и дал указания приступить к заклеиванию имён. Они не посмели отлынивать от работы и сразу же принялись заклеивать имена полосками бумаги.

Во избежание промашки Фань Сянь внимательно следил за процессом и обнаружил, что когда служащие заклеивали имена, то для отобранных им работ они использовали полоски немного короче, чем для остальных.

Наблюдая, как с серьёзным и торжественным видом чиновники клеили эти короткие полоски, Фань Сянь не смог сдержать улыбку, про себя подумав, что если потом Го Ючжи узнает, что он отобрал работы не только студентов из списка, а добавил туда несколько работ тех, кого сам

посчитал одарённым и эрудированным, например, того же простачка Ян Ваньли, то не начнёт ли старикана Го от ярости тошнить кровью?

И не знал он тогда, что если бы о его уловке узнал глава Контрольной палаты, то у министра Го не осталось бы и шанса даже на такое.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2405940>